

И. Т. Касавин¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: В ПОИСКАХ ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Современная техногенная цивилизация нуждается в адекватном решении ряда глобальных проблем экологии,

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 290 научных работ, в т. ч. книг: «Теория познания в плену анархии», «Рациональность в познании и практике», «Познание в мире традиций», «Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания», «Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии», «Анализ повседневности», «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка». Главный редактор журнала Института философии РАН «Эпистемология и философия науки», главный редактор Энциклопедии эпистемологии и философии науки.

гии, демографии, бедности, терроризма и пр. Согласно мнению В. С. Степина, есть два сценария в поиске такого решения. Первый основан на доминирующих ценностях современности, или приоритетах: технологического прогресса по отношению к экологии, научной рациональности по отношению к традиции, личности по отношению к обществу, формального закона по отношению к личности, максимизации продукции и потребления по отношению к ресурсам и т. п. Такое решение приведет к еще большему обострению проблем техногенной цивилизации и в итоге — к катастрофе.

Второй сценарий предполагает радикальную смену ценностных приоритетов. Необходим анализ ее условий, вариантов и возможных последствий, который в целом способен стать предпосылкой сравнения двух типов ценностного дискурса в науках, с одной стороны, и в теологии — с другой. Такому выяснению условий возможности сравнения и взаимодействия этих типов дискурса и посвящен данный доклад.

Можно ли вообразить себе что-то вроде независимого пространства, где элементы культур отбираются для конструирования новых культурных систем? Есть ли где-нибудь такое интеркультурное пространство типа нейтрального языка наблюдения, над которым размышляли члены Венского кружка и который мог быть использован для сравнения разных культур и рационального культурного выбора? В действительности можно представить только два места, где культурные смыслы играют реальную и активную роль: это собственная культура или инокультурное пространство. Их различие очевидно: в первой мы живем, а второе для нас — лишь концептуальная и эмоциональная конструкция. Культура, к которой мы принадлежим, делает наше знание культурно обусловленным и тем самым неадекватным. Согласно мнению А. Шюца¹, объективно и научно изучать только чужую культуру. Чужак, посторонний рассматривается как единственная личность, которая в состоянии адекватно анализировать и понимать всякую культурную систему.

Если мы собираемся предпринять сознательную и рациональную попытку в направлении культурного синтеза, то должны выйти за пределы всех локальных культурных приверженностей и действовать так, как если бы мы были совершенно нейтральны по отношению к любым нормам, идеалам и ценностям. Однако это совершенно невозможно, ибо такая стратегия немедленно обнаруживает свою вполне определенную культурную нагруженность, а именно приверженность идеалам научной объективности, заимствованным из мировоззренческой парадигмы классической науки.

И одновременно наше понимание собственной культуры представляет собой конструкцию в не меньшей мере, чем образ чужой культуры. Картина собственной культуры сильно нагружена непосредственными жизненными впечатлениями, которые обычно весьма локальны и являются не более чем фрагментами данной культуры. В то же время в современном глобализирующемся мире лишь немногие культуры выступают совершенно чуждыми друг другу. Мы все иностранцы, почти везде — гласит известная немецкая поговорка. Мы постигаем различные культуры с помощью средств массовой коммуникации, путешествий, путем личного общения; мы живем почти везде.

Итак, пытаясь понять различные культурные детерминанты, образующие условия рационального дискурса о культуре, мы можем провести различие по крайней мере между тремя разными уровнями.

Первый из них — это уровень конкретных жизненных впечатлений, изучения родного языка, дол-

госрочных отношений с людьми (родителями, родственниками, одноклассниками, учителями, объектами малой родины — домом, местностью). Здесь в основном имеет место практическое, неосознаваемое, эмоциональное овладение культурой. На втором уровне (путешествия, общение с иностранцами, изучение иностранных языков) индивид приобретает знание инокультурной реальности, в которой привычные решения обычных проблем имеют очень ограниченный характер. Слова здесь обладают необычным значением, отношения между людьми выглядят странно, социальное окружение ведет себя непредсказуемым образом. Это уровень проблематизации здравого смысла и обыденной реальности, который дает возможность расширить культурные знания индивида или сформировать картину чужой культуры, полную непонимания и даже страха.

Когнитивная установка впервые появляется именно на этом уровне благодаря дистанции от непосредственного культурного фундамента. И вся ситуация укрепляет критические и рациональные способности индивида, в то время как эмоциональная установка ограничивает взаимопонимание разных культур. Однако по-настоящему возможной когнитивная установка оказывается только на третьем уровне, а именно на уровне научного и философского исследования культуры. Здесь разные культуры изучаются как равноправные части «третьего мира», в терминологии К. Поппера². Эта сфера объективного знания, доступного и ценного для всякой зрелой личности, демонстрирует плюрализм культурных универсалий. Рациональный диалог культур имеет место именно в этой межкультурной сфере реальности.

Особое место занимает философ в диалоге о ценностях, который разворачивается между наукой и теологией. Задача философии — рефлексия по поводу универсалий культуры. Универсалии — центр мировоззрения. Рефлексия предполагает дистанцию. Критическая позиция ученого-гуманитария — на перекрестке культур. Позиция философа — на стыке культурных времен, на рубеже эпох. Это, в частности, предполагает равно нейтральное отношение к ценностным основаниям и науки, и теологии, каждая из которых не в состоянии задать глобальные мировоззренческие ориентиры для будущей цивилизации.

Идеология и массовое сознание конструируют социальные ценности, формируют их систему, будучи при этом не заинтересованными в их критическом анализе. Идеологическая стратегия состоит в оправдании своих ценностей и опровержении чужих. И только философ выходит за пределы всякой ценностной системы, пытаясь сохранить политическую и ценностную нейтральность. Он — последний человек, который будет создавать ценностные смыслы, коль скоро он знает с самого начала об их неясности и противоречивости. Конечно, как эмпирический индивид на первом и втором уровне культурной динамики он может предпочитать и даже формировать определенные ценностные смыслы, отвергая другие. Здесь он может использовать кумулятивный метод или метод парадигмального сдвига. Но подлинное

² Popper K. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, 1972.

¹ Schutz A. The Stranger // Schutz A. Collected papers. The Hague, 1964. Vol. II.

назначение философа, следуя Л. Витгенштейну, не знание, но деятельность.

Философ твердо знает, что он ничего точно не знает; будущее остается непредсказуемым, результаты человеческой деятельности не совпадают с поставленными целями. Единственной позицией в диалоге, которую он может ответственно занимать, является создание условий диалога путем демонстрации ограниченности всех участвующих сторон и тем самым обеспечение консенсуса. Нейтральность обе-

спечивает дистанцию. Философ может попытаться встроить критически анализируемые ценности в более широкий контекст интеллектуальной или высокой культуры. И одновременно дистанция позволяет видеть горизонт, хотя это телескопическое зрение препятствует различению деталей. Балансируя между двумя этими интенциями и все время переключаясь с одной на другую, философ действует согласно принципу дополнительности для асимптотического приближения к общим ценностным основаниям.